

I
В самом начале улице Социалистической (есть такая в Киселевске) в небольшом крестьянском домике живет Василий Алексеевич Липовой. В меру своих сил и финансовых возможностей ведет небольшое хозяйство. А возможности его, надо сказать, потихоньку тают. И возраст уже не тот, и время не то. Но он упрямо держится "на плаву", трудится, ищет и находит свои решения жизненных проблем.

Чем он нам интересен?

Может быть, тем, что сам является частичкой белорусской и русской истории, может быть, тем, что пытливого, живому уму возраст не помеха, или тем, что поэтический талант его имеет крестьянское лицо и простонародные привычки.

Повесть о себе Липовой начал так: "Родился я на стыке трех республик: Белоруссии, России и Украины - в селе Струговская Буда ("будовать" переводится как "строить"). Мой отец был простой крестьянин-единоличник. Имел двух лошадей (одна из них стояла на военном учете), корову и телочку, а также коз, овец, свиноматку с поросятами и другую живность.

Национальные корни мои тоже смешанные: мама русская, отец белорус. Я себя считаю белорусом. Эта тема отражена в моем творчестве. От предков унаследовал любовь к большой и дружной семье. И не случайно. У моих дедушки Аким и бабушки Ефимии было пятеро детей. Бабушка рано овдовела. Надо сказать, что у нее было четыре надела земли, по две казенных десятины (шестидесятки) каждый (т.е. более 3 га) и надел леса. Лес бабушка продала. Деньги положила в банк. А на получаемые дивиденды содержала семью.

Моя мама тоже крестьянка, только родом из соседней деревни Колыбелька. Девичье имя ее было Гутник Феоктиста Евменовна. Мама тоже выросла без отца. Может быть, поэтому ее и выбрал отец.

Было это незадолго до первой мировой.

Когда она грянула, отца, конечно, призвали. Вся война был артиллеристом. Имел два георгиевских креста. В гражданскую - красноармействовал.

В 1919 г. родилась моя старшая сестра Евдокия, а потом - и все мы. Я родился в 1927 г. и был седьмым ребенком в семье. Из десяти братьев и сестер до совершеннолетия доросли только шестеро.

Резкие перемены в судьбе семьи начались в 1929 г. Урожай в то лето стоял, как стена. Да слу-

чилось лихо - градом все побилло. Начался голод. А следом пошла коллективизация. Крепко пострадали крестьянские хозяйства. Только тогда отец съездил в Сибирь, посмотрел на жите-бытье. Сам убедился, что быт здесь богаче и свободней, и раскулачивание еще не началось. Да и братья его здесь хорошо жили. Можно было рассчитывать на жилье и помощь хотя бы в первое время. Все нажитое за десятилетия было продано за бесценок.

Приехали все в марте 1933 г. До 1938 г. мы прожили в деревни Ма-

можно сделать вывод, что это была часть Первая. А теперь будет и часть Вторая, которую рассказывает В. Липовой уже о себе.

II

"Как только научился читать, сразу стал заядлым книголюбом. Нравилась приключенческая литература всех писателей, всех континентов. Но самым любимыми писателями сегодня являются Пушкин, Тургенев и Некрасов.

Интересный случай произошел у нас с братом Семеном после про-

Денег на дорогу не хватило, поэтому добирались как придется. А, прибыв на место, чтобы не расстраивать милых наших старичков, сочинили историю о краже у нас мифических денег. Не сознались мы и в том, что сбежали из дома. Но письмо своим родителям все же написали. Старшими было решено, что мы заработаем деньги себе на обратную дорогу и уедем. А уж дома придумают, что с нами дальше делать. Наш дед был сельским пастухом и поэтому взял нас к себе подпасками.

А тут война.

старост и других. Так было до конца ноября 1944 года.

А 1 декабря я был призван в ряды Красной Армии. Потом стал курсантом полковой школы. Выпуск состоялся уже после Дня Победы. Служить попал в Ленинград на крейсер "Киров".

Стихи в ту пору уже писал. Особенно на понравившиеся мелодии. Но не печатался и не думал, что это увлечение на всю жизнь. Но мы предполагаем, а Бог располагает.

Демобилизовался в 1949 г. Вернулся в город Клиницы, что недалеко от родного села. Работал

тали в газете "В бой за уголь" не стихи, а его единственную статью "Когда деревья плачут". Давно это было.

А первое напечатанное стихотворение появилось в той же газете в начале перестройки. Называлось оно "В дороге". Это стихотворение В. Липового было одобрено литгруппой "Горизонт". Такие тогда были правила. Вел литгруппу С. Грушанский. Потом последовали стихи "'Сельский вечер", "Обелиск", "В хате двое"... Любители поэзии, наверное, еще помнят их.

На страницах "Киселевских вестей" он публикуется впервые:

ПЕСНЯ

По-над берегом
тропкою росною
Я иду-бреду босиком.
Над рекой туман
белой "простынью"
Обнимается
с тальником.
Заводь сонная
не качается.
Камыши стоят
"на часах".
Зорька алая
разгорается.
Гаснут звездочки
в небесах.
Не колышется
рожь созревшая.
Дремлют синие
васильки.
Лишь, откуда-то
залетевшая,
Плачет иволга у реки...
Вот и солнышко
золотистое
Поднимается из-за гор.
С песней звонкою
да с присвистами
В поле выехал
комбайнер:
"Раскошешься ж ты,
рожь упругая!
Зерном-золотом одари!
Я не сам-один,
с верным другом я.
Будем петь
тебе до зари".

Творческая мастерская Жажда песни

линовая Грива Тогульского района Алтайского края. Потом семья переехала (в том же Алтайском крае) на Ионихский прииск. Купили амбар, переделали под избу и жили. Отец никогда не вступал ни в колхоз, ни в партию. За что постоянно преследовался. Был очень религиозен. На прииске ему предложили вступить в профсоюз. Он взял профсоюзный билет в руки, посмотрел на известный всем профиль и отказался. (Что он в нем увидел? Он никогда не говорил)".

Тут надо сказать, что о своем отце Василий Алексеевич всегда рассказывал с любовью, уважением и гордостью. Видно, сильный и стоящий человек это был! Недаром Липовой-младший хотел написать о нем повесть. Раньше нельзя было, а теперь силы не те. Вот почему так подробно автор этих строк рассказал вам, любезные читатели, предысторию Василия Алексеевича. И вот еще какая мысль по этому поводу невольно пришла мне в голову: как ни стараются стереть родовые корни и дела человека с лица земли, но он упорно держится за них, не отпускает ни из памяти, ни из рук своих. Почему? Может быть, каждый человек хочет сравнить свой земной путь с прожитыми жизнями дедов и прадедов, "с милой патриархальной стариной", информация о которой у него есть. Как и чем они жили? Было им легче или трудней, чем нам? Какие проблемы стояли перед ними и какие стоят сейчас? И действительно ли жизнь хоть в чем-то изменилась? И т.д. А может быть, это все никому и не надо сегодня? Но вот на примере Василия Липового я еще раз убедился, что он тоже упорно не хочет забывать свои корни. Поэтому из всего вышесказанного

чтения книги Марка Твена "Приключения Гекльберри Финна". Мысль о том, что можно попробовать и самому проплыть по реке на плоту, глубоко засела в наших головах. Родители знали о наших планах, но отнормировались к этой мечте, как к детской причуде. А мы с братом искали удобный случай. Ранней весной 1941-го мы начали активно готовиться. Тайком от всех собирали продукты, деньги, вещи, походный инвентарь. К нашему неудовольствию, как раз в это время ввели "Заборные карты", т.е. выдача продуктов населению была ограничена. Но разве есть на свете такие трудности, которые могут остановить одержимых мальчишек перед жаждой приключений? Семен, который был на два года старше меня, и я, как только узнали, что лед на Томи сошел, взяли свои деньги, пищу, кое-какую одежду и, поклявшись никогда не возвращаться в родительский дом и никогда не воровать, как бы трудно нам в жизни ни было, вышли к реке километрах в пяти ниже Старого Кузнецка. (Желание переплунуть своими подвигами Тома Сойера и Гекльберри Финна двигало нами). Но поднялся страшный ураган. Река неистовствовала и бурлила, казалось, она готова была выпрыгнуть на берег. И мы не решились на столь опасное путешествие. Но и возвращаться домой уже не могли. Опасались гнева отца. Да и клятва держала.

К тому же по неопытности и малолетству допустили ошибку - не взяли с собой никаких документов. Поступить в ремесленное училище тогда было нетрудно, конечно, при наличии документов. После неудачных попыток поступления в Новокузнецке, Новосибирске, Барнауле и Томске мы с Семеном поехали к бабушке и бабушке в Белоруссию.

Никаких боев в Струговской Буде не было. Просто все советские органы власти эвакуировались. И неделю в нашем селе стояло безвластье. Только потом пришли фашисты. Началась оккупация. Они расстреляли четырех коммунистов. Разделили полностью землю. Заставили всех работать на Германию. Мы с братом два года были подпасками.

В августе 1943 г. после сталинградских и курских событий фашисты издали приказ, по которому всех мужчин начиная с 18 лет и старше мобилизовали на службу в полицию. Раньше лицаев набирали на добровольной основе, но теперь аккупанты стали дуреть. А тех, кто подлежит мобилизации, в селе набралось 22 человека. Но они не были организованы. И потому одни из них хотели идти в партизаны, другие - отсидеться в лесах и с приходом Красной Армии вернуться в село. Однако открыто уйти в партизаны было нельзя - фашисты сразу расстреляли бы семью и родственников каждого ушедшего. Поэтому на глазах у всего села была разыграна инсценировка по нападению и захвату партизанами этой молодежной группы. Но уже в отряде каждый вступал в ряды народного сопротивления строго добровольно. Мы вступили все. Наше боевое подразделение носило имя М.И. Кутузова. Укомплектованность личного состава оружием была не более 70%. Имелась легкая артиллерия и пулеметы. Основная боевая задача отряда - диверсии. В октябре того же года отряд соединился с действующей армией и брат Семен ушел воевать на фронт.

Вскоре я вместе с остальными парнями призывного возраста был зачислен в истребительный батальон. Прочесывали леса, вылавливая полицаяев, владовцев,

на электростанции сначала столяром, а потом помощником машиниста-турбиниста.

Не заладилась жизнь с первой женой. Развелся. В 1955 году приехал в Киселевск. Остался здесь навсегда. Через год женился. Вырастили и воспитали мы с Людмилой Степановной пятерых детей. Есть и внуки.

Работать приходилось мне и кочегаром, и возчиком в детских яслях, и лесодоставщиком в шахте, и начальником караула профессиональной пожарной части № 2, и подземным горнорабочим на шахте "Краснокаменная". Откуда я в мае 1983 г. вышел на пенсию".

Но трудовая жизнь Василия Алексеевича Липового на этом не окончилась. Смастерил он для своего хозяйства на базе двигателя "ИЖ-49" несколько полезных приспособок. На этой "машине", как он ее называет, и пашет, и пилит, и воду качает, и по земле передвигается.

Количество благодарностей, почетных грамот и денежных премий в его трудовой книжке записано аж на 4-х страницах. Как говорит Василий Алексеевич в шутку: "Все награды за стихи. Ведь писал, и помногу, к каждому празднику". А были у него еще и другие стихи - для души. Это становится ясным и теперь, когда с удовольствием читаешь его лирику. Писал человек для себя, не искал ни славы, ни признания своего таланта, ни поклонников. Так продолжалось десятилетиями. Почему? Просто у него не было в этом потребности. Встречался он и с ныне покойным А.А. Алферовым. Беседовали, спорили, обсуждали стихи, в том числе и В. Липового. Но литгрупповцем он тогда не стал. Постеснялся. Хорошо, хоть писать не бросил.

В первый раз напеча-